

Вородей А.В.

ГЕНЕЗИС ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕРЕСТЬЯ

Введение. С приближением миллениума с момента первого летописного упоминания города возрастает интерес к исторической архитектуре Берестья. Философия этого явления опирается на стремление живого организма города концептуально (как минимум!) вернуться «к истокам» – туда, откуда полтора века назад волею Империи город был принудительно вытеснен. Движение историко-культурного ренессанса, выраженного в материальной форме (реставрация, «отстраивание» и т.п.) вступает в противоречие с действующим законодательством об охране историко-культурного наследия. Форсированные «научные» мероприятия по поиску ратуши, замка с целью их безусловного «восстановления» оборачиваются фарсом, дискредитирующим саму идею исследования. Очевидно, что «мероприятия к дате» абсолютно бессмысленны. В противовес подобной профанации можно поставить детальные концептуально и научно обоснованные архитектурно-археологические исследования.

В выявлении планировочных особенностей средневекового Берестья данные археологии использовать проблематично. Площадь, исследованная при раскопе берестейского детинца П.Ф. Лысенко, ничтожно мала по сравнению с территорией города XVI–XVIII века до момента его переноса в связи со строительством крепости. В данном контексте на первый план выступает графоаналитический метод и метод сопоставительного анализа документов. Показательно, что авторы большинства публикаций в отечественных научных и научно-популярных изданиях по истории архитектуры Берестья не являются архитекторами (урбанистами). Опыт научно-исследовательской работы, краеведческих изысканий, знание исторической канвы не могут компенсировать профессиональный подход исследователя-архитектора, сформированный профильным образованием и проектной практикой.

Задача данного исследования – определить структуру и планировочные особенности раннесредневекового Берестья, выявить черты его своеобразия, опираясь на существующий опыт подобных исследований. Методика реконструкции, применённая в данном исследовании, впервые использована по отношению к раннему (т.н. «долетописному» и раннесредневековому) периоду развития города. Гипотезы, озвученные в данном исследовании, были впервые опубликованы в сборнике научных трудов IV Международной научно-практической конференции в 2013 г. [4].

Планировочная структура города – это не просто взаиморасположение его составных частей. Она, по сути дела, отражает функциональную среду городской общины, являясь её строительной оболочкой.

«Модельный ряд» понятия «город», «град», «груд» в разных славянских языках обозначал укреплённое поселение, крепость, защитную оГРАДУ. Исходя из этого, сначала, как правило, проводится анализ городских укреплений, их замков, детинцев, кремлей. Но являлось ли строительство оборонительных сооружений (града, детинца) причиной, а не следствием возникновения поселения? Не случайно в Великом княжестве Литовском, Польше, Чехии, Украине термин «град», означавший укреплённое первобытнообщинное поселение, сменился термином «место», «miasto», «місце», означавшим как укреплённое, так и неукрепленное поселение, в современной интерпретации – город! [9, с. 3].

В настоящее время схема планировки раннесредневекового Берестья рассматривается через призму публикации П.Ф. Лысенко материалов археологических раскопок и выводов в книгах «Берестье» и «Открытие Берестья» [8, 11]. Исходя из результатов археологических исследований, автор сделал вывод о расположении детинца средневекового Берестья на мысу у слияния левого рукава Мухавца с Западным Бугом.

Торгово-ремесленная часть локализуется на соседних островах, являясь вторичной по отношению к «ядру» поселения – детинцу. Однако возникает ряд вопросов. Самая ранняя из обнаруженных построек датирована серединой XII в. [8, с. 396]. Необходимо учитывать, что датировка деревянных построек методом радиоуглеродного анализа не даёт стопроцентного результата. Предметы материальной культуры датированы не ранее X–XI вв., то есть периодом первых известных упоминаний Берестья в летописных источниках. Как правило, поселения возникали до их первого упоминания в источниках (если упоминание не связано с основанием поселения). Как отмечено выше, раскопки проводились на ограниченной территории, ничтожно малой по сравнению с «пятном» средневекового города. Не проводились археологические исследования соседних островов, образованных рукавами Мухавца. В результате проведённых в рамках охранных работ летом 2006 г. раскопок на центральном острове Брестской крепости были обнаружены остатки глинобитной печи и керамика X века. Это позволяет сделать предположение о том, что указанная территория была заселена ранее территории предполагаемого детинца (замка XV–XVIII вв.) [11, с. 171–177].

Гипотетическая реконструкция планировочной структуры «долетописного» и раннесредневекового Берестья выполняется автором, опираясь на сопоставительный анализ литературных, документальных, иконографических источников, графоаналитический метод.

Существует несколько теорий возникновения городов на землях, заселяемых славянскими племенами. Согласно одной из них, «замковой», город развивался с основания крепости (замка) даже вне сложившихся поселений. Странники теории «племенных городов» считали, что города вырастали на основе существовавших ранее племенных или родовых поселений [5, с. 14].

При анализе европейского средневекового градостроительства на первое и второе место из градообразующих факторов ставится рынок и добывающая и обрабатывающая промышленность (ремесло). Стратегический фактор занимает лишь третье место. Если причиной возникновения города были торговля и ремесло, то рыночная площадь и торгово-ремесленный посад вокруг неё должны рассматриваться как исходное пятно города. В данном случае не важно, где появилось это «пятно» – у стен замка, монастыря, на переправе через реку или на перекрёстке торговых путей. В последнем случае как раз наоборот – замок и монастыри «приходили» к городу.

В основе возникновения и роста славянских городов лежали те же принципы. Поэтому и города эти можно рассматривать с точки зрения расположения рыночной площади и прилегающей сетки улиц посада [3, с. 4].

Обратимся к литературным источникам. В «Путешествии по Польше и Белорусскому краю» П.М. Шпилевского, изданном в 1858 г., говорится: «...стали возле него (купца) селиться различные кочующие племена. Впоследствии славянские племена имели уже там постоянные свои оселища, свои колонии и, по древнему обычаю, *острог*, ... потом соорудили *городок* с замком на том самом месте, где ныне находится крепость... Такую оседлость славянских племён в этих местах нужно относить по крайней мере к X, если не к XI веку (а может быть, и раньше). Хроника польская свидетельствует, что Болеслав Храбрый первый овладел *этими колониями*, или поселениями, в 1020 году и присоединил их к своим землям... В 1182 году Казимир Справедливый присоединил к Польше все *колонии брестския* и построил *над рекою Бугом, на взгорье, окружённом болотами*, оборонительный *замок*... Постройку нового, лучшего замка приписывают Волынскому князю Владимиру, прозванному Философом в 1275 году...» [12, с. 16, 17].

Наратив Шпилевского приведён в первую очередь как пересказ одной из версий легенды о возникновении Берестья. Вышеизложен-

Вородей Андрей Владимирович, ст. преподаватель кафедры архитектурного проектирования и рисунка Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ный фрагмент является также краеведческой интерпретацией "Dziej..." Яна Длугоша: «...Лета Господня 1182... Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из послушания Брестской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войска как конные, так и пешие, быстрым маршем прибыл под Брест (Brzesc), осадил его и через 12 дней взял силой. После чего главных виновников заговора покарал смертью и, **замок над городом (grodek nad miastem) поставив**, обеспечил его сильным отрядом, чтоб удерживать народ в послушании и под страхом наказания...» [2, с. 106].

Необходимо отметить, что упоминаемые Шпилевским «оселища» и «колонии» соответствуют закономерности, выявленной академиком Рыбаковым – предысторические поселения (грады, присёлки) располагались, как правило, группами. К середине XII в. посреди почти каждой подобной группы появился летописный город – центр одного из племён, составивших славянские племенные союзы [6, с. 25].

В данном контексте интересен фрагмент из хроники Титмара Мерзебургского, где говорится про «город польского короля (Берестье)» 1017 г., обозначенного в тексте оригинала не "arx" (крепость, замок), "civitatis" (город), но "**urbem**" – термин, использованный Титмаром по отношению к Киеву и др. крупным городам [13, с. 175].

В XI веке и позже ведётся борьба за Берестье между польскими и русскими правителями. Это говорит о том, что Берестье был на то время значительным населённым пунктом, владение которым позволяло контролировать торговый путь из Волыни на Балтику и из Польши в Турово-Пинское княжество. Результаты дендрохронологического анализа элементов деревянных конструкций с раскопок П.Ф. Лысенко не противоречат датам строительства первого замка Казимиром Справедливым и последующего строительства «нового, лучшего замка» волынским князем Владимиром.

При реконструкции планировочной структуры города наиболее достоверные данные дают материалы археологических раскопок, опираться на которые в данном случае невозможно. Восстановить первоначальную структуру поселения можно благодаря исследованию плана города. Европейскими учёными был разработан метод структурного анализа городского плана. Однако его возможности ограничены степенью сохранности исторически сложившегося городского комплекса.

Необходимо также учитывать общественно-политические процессы, происходившие в определённые исторические периоды. С XIII в. на землях западных славян, а с XIV и на восточнославянских, (на территории ВКЛ) проходит городская реформа с введением Магдебургского права. Правовое и пространственное переустройство городов получило название **локации**.

В узком понимании этот термин означает разбивку территории под застройку. При даровании городу права на самоуправление князем (королём) назначался локатор (войт), получавший город в аренду и выделявший участки мещанам. Реализацией локация являлось уплотнение застройки, организация рынка (как правило, прямоугольной формы), прокладка новых улиц и нарезка участков.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос – насколько планировочная структура долокационного города была трансформирована в результате локация? Тут следует обратиться к исследованиям польских учёных, предложивших оригинальную методику восстановления планировочной структуры долокационных городов. Эта методика была использована при реконструкции планировки доисторического Гродно [2]. Учитывая то, что колонизация славянами земель Гродненщины и Берестейщины происходила в один период, а также соседство с польскими землями в обоих случаях, автор считает целесообразным применить данную методику к реконструкции планировочной структуры древнего Берестья [7, с. 20].

В наиболее полном объёме эта методика разработана архитектором Бобинским и освещена в книге «Польские города долокационного периода». Бобинский опирается на нерушимость собственности на землю, как основу феодализма. Соответственно, земельный надел – первичная единица городской структуры – являлся достаточно стабильной единицей. Собственность на землю освящалась церковью и поддерживалась властью [3, с. 12].

Земельные наделы раннего средневековья, различаясь по габаритам, имели схожую ориентацию относительно улицы – как прави-

ло, располагались перпендикулярно по отношению к фронту застройки. С Бобинский разработал регрессивный метод воссоздания структуры раннесредневековых городов, успешно опробованный в отечественной урбанистике [5, с. 13]. Он выделил следующие случаи сохранения планировочных реликтов:

- веерная планировка клинообразных наделов, образовавшаяся на месте маленьких общинных градов;
- фрагменты застройки криволинейных улиц, уцелевшие от планировочного элемента «овальница»;
- малые земельные участки, расположенные узкой полосой, образовавшиеся на месте утраченных оборонительных укреплений;
- квадратные или прямоугольные торговые площади, размещавшиеся в середине древнего веретена;
- деформированные границы земельных участков, ранее имевших прямоугольную или клинообразную форму;

При поиске реликтов долокационной планировки следует учитывать планировочную композицию всего города, схему первоначальных дорог, расположение ведущих сооружений (доминанты), а также характер размещения и величину наделов в разных частях города. И главное условие для проведения исследования по регрессивному методу – наличие плана города с нанесёнными границами земельных наделов, т.н. опорного плана.

При проведении графоаналитического исследования автор использует следующие документы:

1. *План Бреста 1657.* «Grundtrik der Stadt undt Festung Littauwsch Brestie...» (рис. 1).
2. *Plan von der Stadt Brzesc in Littauen* Георга Фюрстенхоффа (рис. 2).
3. *План города Брест-Литовского и местечка Тересполь.* Снят.... 1823 г. (рис. 3).
4. *Гравюра "Urbs et castello..."* (рис. 4).

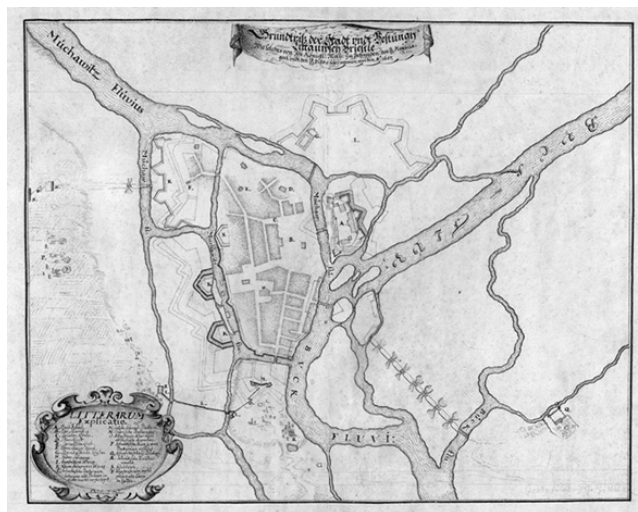

Рис. 1. План Бреста 1657. «Grundtrik der Stadt undt Festung Littauwsch Brestie...»

Сравнение планов показывает, что планировочный каркас города оставался стабильным с середины XVII до начала XIX вв. Планы XVII в. при этом коррелируют с «описанием староства Берестейского» 1566 г. [10, с. 206–238, 442–448]. Учитывая, что инструментальная съёмка появилась во второй половине XVIII в., в качестве опорного плана принимаем план 1823 г., сопоставляя его с планами XVII и XVIII вв. (1, 2). На плане (рис. 3) наиболее чётко показано расположение участков. На плане Дальберга 1657 г. застройка показана поквартально. Представление о расположении зданий может дать перспективное изображение с гравюры Дальберга "Urbs et castello..." [1]. План 1740 года выполнен с расстановкой зданий (рис. 4). На всех планах показаны архитектурные доминанты (Замковая гора, са크ральные здания), улицы, дороги, мосты. На плане XVII в. [1] показаны не только существующие, но и проектируемые оборонительные сооружения (бастионные укрепления города и новый замок).

Рис. 2. Plan von der Stadt Brzesc in Littauen Георга Фюрстенхофа

Алгоритм реконструкции следующий.

1. Проанализировав общую градостроительную ситуацию, определяем трассировку доисторических путей сообщений и, соответственно, планировочный каркас поселения.
2. Исходя из расположения коммуникаций, выявляем место пред-

полагаемого нахождения града, присёлков, торжищ в общей структуре поселения.

3. Восстанавливаем эволюцию планировочной структуры поселения на разных этапах развития.

Для начала попытаемся воссоздать трассировку «доисторических» дорог исследуемой территории. В ревизии 1566 г. отмечены улица Ковалская гостинцем Виленским [10, с. 206], улица Пески Гостинцом Краковским [10, с. 208], гостинец Теребунский [10, с. 215], улица гостинцом Луцким [10, с. 223]. Упоминается улица Кобринская, сохранившаяся в городской топонимике до XIX века [10, с. 211]. Эти улицы и гостинцы отчётливо прослеживаются на всех рассматриваемых планах.

В «доисторический» период реки являлись основными путями сообщения. Сухопутные дороги прокладывали в первую очередь вдоль рек по надпойменной террасе. По Бугу проходили торговые пути из Волыни, Венгрии на Балтику и с востока на запад. В данном контексте логично предположить, что Луцкий и Теребунские гостинцы возникли в «долетописный» период истории Берестя как сухопутные «дублёры» Бужского водного пути. При этом Луцкий гостинец времён ВКЛ – Речи Посполитой, по мнению автора, является дублёром более старого тракта, пролежавшего вдоль Буга на Прилуки и южнее. Дорога на Кобрин (улица Кобринская) проходила вдоль реки Мухавец на восток. Тут явно прослеживается не только пинскотуровский вектор, актуальный для раннефеодального периода, но и путь «из варяг» к Днепру и далее, «в греки». Гостинцы Краковский и Виленский возникли, очевидно, в период развития отношений Польша – ВКЛ, как «ось» Краков – Вильна, связывающая две столицы союзных государств (илл.6). Интересно, что на схеме осады города шведскими и венгерскими войсками показаны два гостинца (тракта): в Вильно и Варшаву - бывший Краковский гостинец (рис. 5).

В результате мы получаем три основных дороги, точнее, направления, которые должны были сформировать структуру «доисторического» Берестя. (рис. 6) Эти векторы читаются на планах города до его переноса. Продолжением Теребуньского гостинца в городской структуре являлась улица Пясецкая или Пески, упоминаемая в документах XVI в. [10, с. 208]. Она ведёт к прямоугольной в плане рыночной площади. С востока от площади отходит

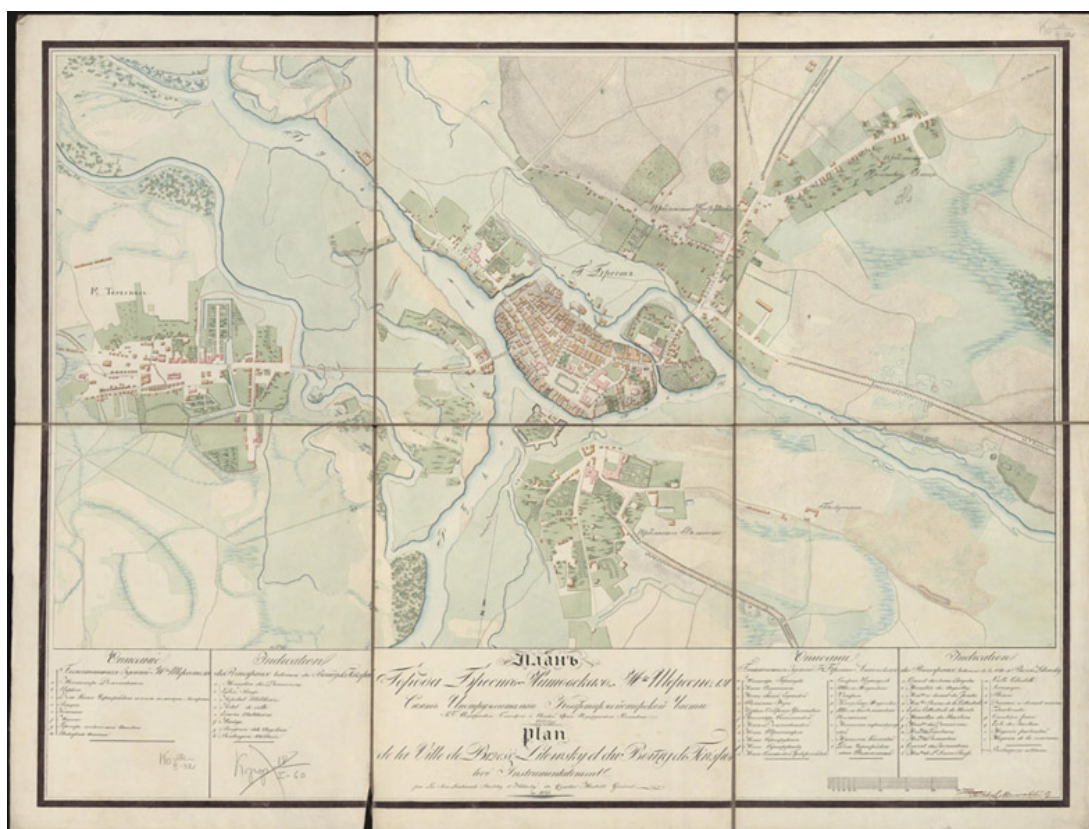

Рис. 3. План города Брест-Литовского и местечка Тересполя. Снят.... 1823 г.

Рис. 4. Гравюра «Urbs et castello...»

ул. Вольнская (в XVI веке – Ковальская), ведущая к ул. Виленской (Виленский гостинец) и Кобринской (рис. 3). Улица Ковальская в южной её части выходит к мосту через Мухавец. Продолжение «трилистника» отчётливо читается на планах. На Замухавчье дорога раздваивается: старый тракт, миная Симеоновский, Рождественский монастыри, дублирует Бужский водный путь, новый ведёт в Луцк.

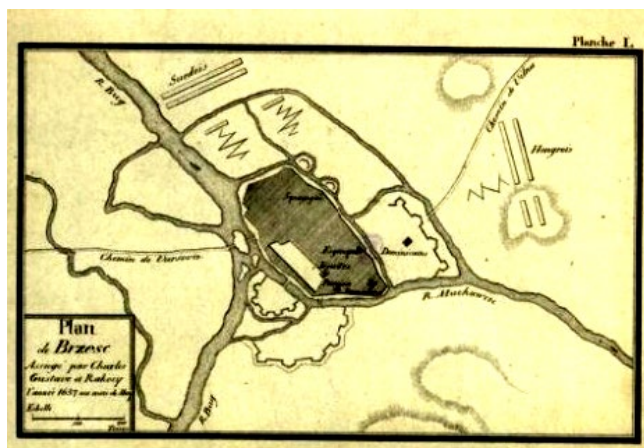

Рис. 5. Схема осады Берестя Карлом Густавом и Ракоци

Улица Кобринская за мостом через Угринку переходит в ул. Базильянскую и Долгую. Нетрудно определить, что в XVI в. улица Долгая имела наименование *Жидовская* [10, с. 207] и выходила к Теребуньскому гостинцу. Выделяя три улицы – Пясецкую (*Руськую*), Долгую (*Жидовскую*), Бернардинскую, на плане мы получаем рудименты т.н. овалницы или «веретена», «спрятанного», но сохранившегося в плане более позднего поселения (рис. 7).

Овалницей называется открытое раннеславянское поселение, улица которого имела заметное расширение. Считается, что устройство расширения было необходимо для торговли, ночной стоянки купеческого каравана, выпаса скота. Овал с миндалевидной рыночной площадью – древнейшая форма поселения, характерная для городов Польши, Чехии, Словакии. При этом следы овалницы обнаружены в плане центральной части швейцарского Берна и др. западноевропейских городов (рис. 8) [9, с. 4].

Лавки домов, склады, мастерские, превращавшиеся со временем в сплошные торговые ряды, выходили на улицу или площадь с обеих её сторон на всём протяжении. На одном конце такого «длинного рынка» за пределами поселения, контролируя переправу, мог

находиться замок, на другом – приходской храм, в середине – общественный рыночный колодец.

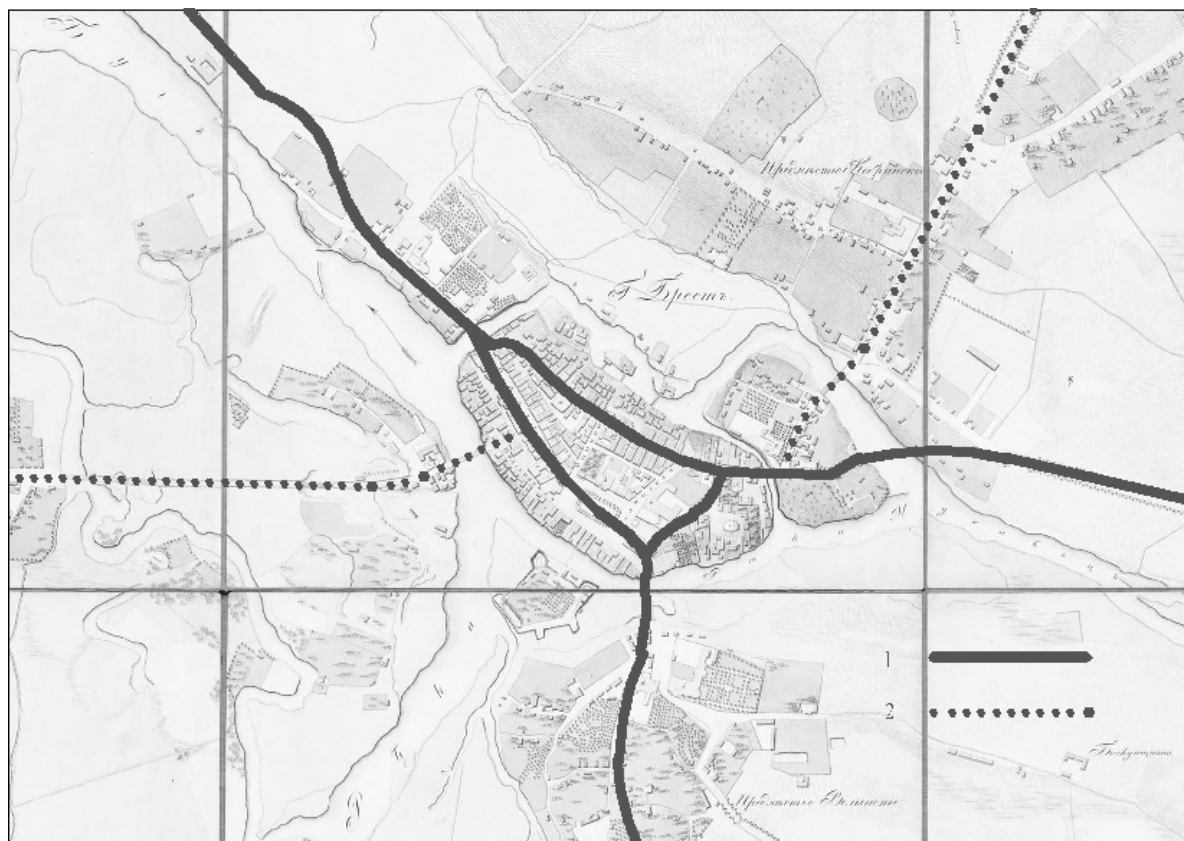
Если на овальное поселение падал фокус торгово-географических связей и дороги становились оживлённей, то оно быстро разрасталось. Новая застройка обволакивала его, потом окружалась крепостной стеной (*парканом*). До строительства стены среди застройки появлялся городской собор с площадью, несколько храмов или монастырей. По перпендикуляру от новой застройки к длинному рынку устраивались улочки-проходы, что привело к возникновению мягкой, не строго геометрической сетки улиц.

Размещение берестейского поселения-овалницы вполне логично – на самом большом острове в устье Мухавца, где достаточно места для проживания не только ремесленников, торговцев, но и земледельцев (в ранний период существования поселения), вдоль транзитной сухопутной дороги. Поселение было слегка удалено от Буга, возможно, закрыто лесом со стороны реки – из соображений безопасности. Необходимо учитывать и территориальный фактор: в болотистой дельте Мухавца с множеством притоков и стариц указанный остров, сухой и возвышенный, наиболее благоприятен для проживания.

Определив месторасположение и структуру Берестя, определяем возможное месторасположение «доисторического» града – укрепления, сопутствовавшего торгово-ремесленному селищу. Казалось бы, на вопрос о расположении берестейского детинца ответил П.Ф. Лысенко по результатам археологических исследований 1970–1980 гг. Вопросы о недостатке археологического материала, озвученные выше, стимулируют поиск альтернативных решений.

По мнению российского историка Костомарова, «...Жители расположенных близко между собой сёл строили укрепленные места, принадлежащие всем им вместе, в равной степени служившие в случае надобности убежищами. Такие укрепленные места назывались градами, или, по русскому наречию, городами» [5, с. 15]. Так называемые городища-убежища встречаются на Брестчине (д. Филиповичи Жабинковского р-на и др.).

При формировании элементов поселений старались использовать выгодные качества участка. Для града наиболее рационально использовать небольшую возвышенную площадку с максимальной естественной защитой (слияние рек, заболоченная старица и т.д.). Древний град должен быть планировочно увязан с присёлком, дорогами, торжищем. Как было указано выше, признаком маленького общинного града может являться веерная планировка клинообразных наделов на плане более позднего периода. На опорном плане в данном контексте интересны два участка. Первый – мыс в восточной части острова, *куть коло костёла у фари и церкви морованой Микуллинской* [10, с. 206]. Второе – остров, в XVI веке *мъсто*

1 – дороги долетописного периода; 2 – гостинцы, сформировавшиеся в период ВКЛ
Рис. 6. Схема сухопутных дорог «доисторического» Берестья

Рис. 7. Рудименты овалницы в плане Брест-Литовска

за *парканомь* [10, с. 209] (рис. 9). Улица Бернардинская соединяла Кобринский и Луцкий гостинцы. На этой территории расположена Николаевская церковь, которая считается одним из древнейших христианских храмов Берестья (дата основания неизвестна). Размещение этого древнейшего храма не случайно: на пересечении

трёх важных дорог, он мог быть поставлен на месте древнего капища или града.

Более вероятным местом для размещения древнего града автору видится соседний остров – Заугринецкое предместье, *место за парканомь*. На опорном плане в южной части острова привлекает

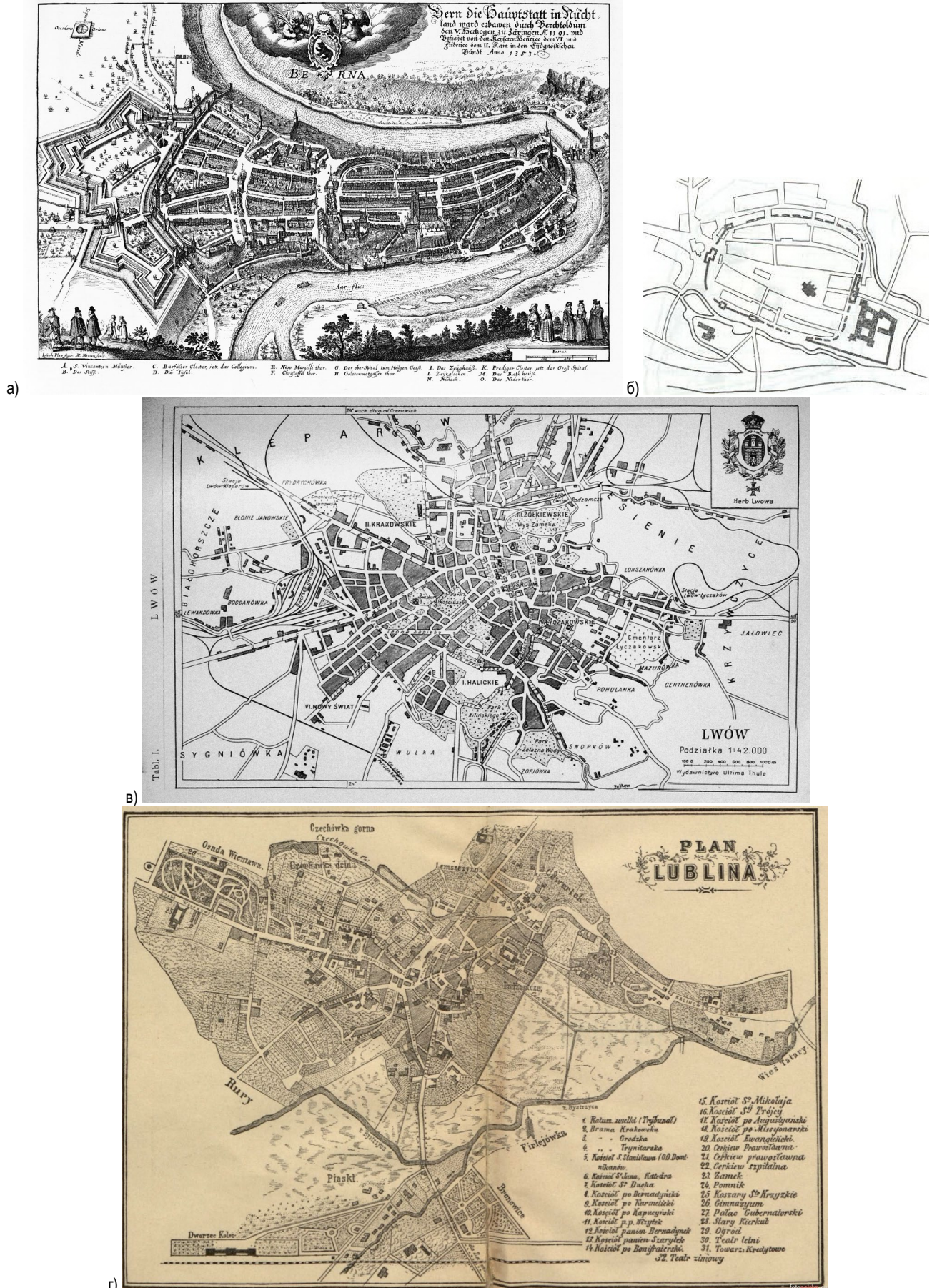

Рис. 8. Планы: а) Берн XVII в.; б) Подолинец (Словакия); в) Львов; г) г. Люблин

Рисунок 9

Рис. 10. Первоначальная трассировка Кобринского гостинца. Реконструкция автора

внимание конфигурация улиц – Старой Копицкой (Угрынка [10, с. 209]) и примыкающей к ней Преорской [10, с. 210], «безымянной» на плане. Название улицы Кописка происходит от слова «копище», «копцы» - еврейское кладбище, расположенное южнее этой улицы. Известно, что еврейские кладбища нередко оказывались на месте доисторического града или капища. Исходя из анализа рельефа, логично предположить, что град располагался на возвышенном месте на оси Кобринской улицы, которая могла служить въездом на городище. «Доисторическая» дорога на Кобрин могла проходить ближе к реке, под защитой валов городища, через подградье. Мысленно продлевая трассу Кобринского тракта на запад вдоль Мухавца, мы попадаем как раз на Старую Копицкую улицу (рис. 8, 9). Прямоугольная территория в южной части острова, восточнее кладбища по ул. Преорской, застроенная деревянными зданиями, – место расположения Августинского монастыря. Монастыри, являясь архитектурными доминантами, размещались как в сложившейся застройке на свободных либо пожертвованных участках, так и у въезда в город в качестве дополнительной защиты. Возможно, в более поздний период дорога изменила своё направление и стала проходить севернее, мимо основания Августинского монастыря, в XVI веке костёла святой Барбары [10, с. 210]. Августинский монастырь «переехал» в центр города с непрестижного места за «копищем жидовским» в середине XVII века. Изменение в трассировке дороги (улица Кобринская), скорее всего, произошло благодаря появлению Виленского гостинца, который по значимости превосходил Кобринский (рис. 5).

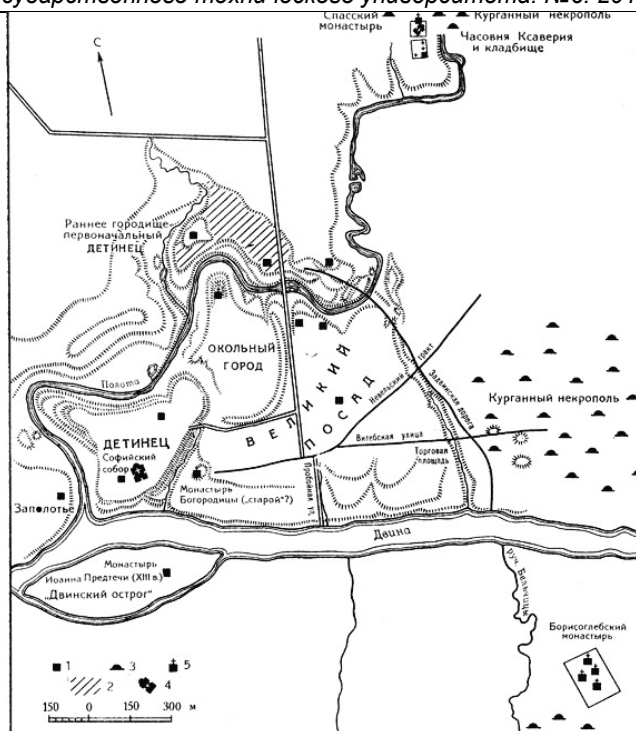

Рис. 11. План средневекового Полоцка

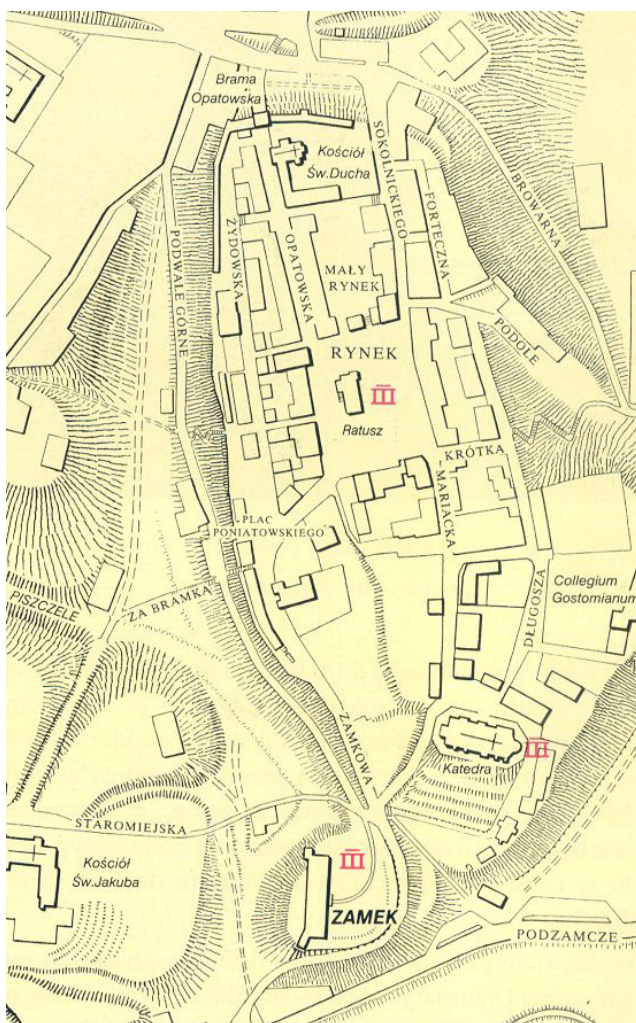
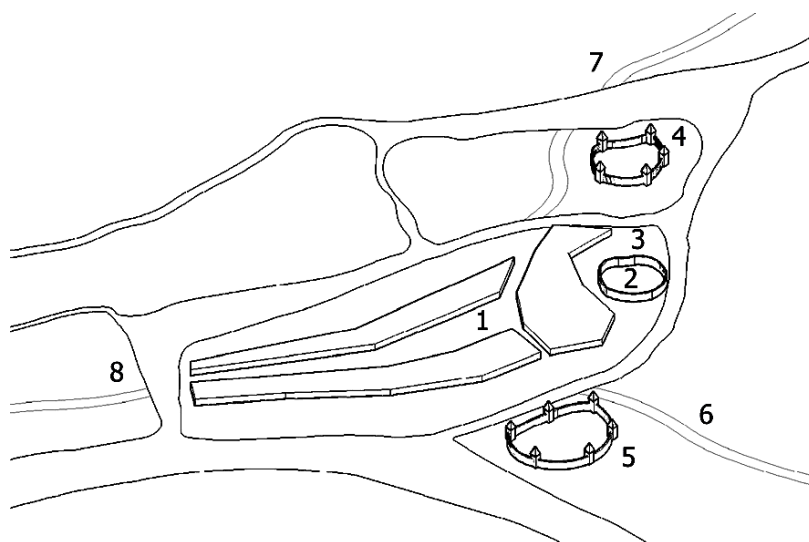

Рис. 12. Сочетание овальница-град (замок) на плане Сандомира

1 – длинный рынок (овальница) в структуре поселения; 2 – святилище; 3 – торг; 4, 5 – грады (укрепления); 6 – Прилуцкий гостинец; 7 – Кобринский гостинец; 8 – Теребуньский гостинец

Рис. 13. Предлагаемая автором схема планировки Берестья XI–XIII вв.

Размещение городища (града) у слияния двух рек, но на некотором удалении от большой судоходной реки, имеет место на территории Беларуси. Детинец древнего Полоцка располагался в километре от слияния Полоты и Двины. Подобные примеры можно наблюдать в развитии Волковыска и Заславля (рис. 10). На примере Сандомира мы можем наблюдать интересное сочетание поселения с рудиментами овальницы и замка. В этом случае укрепление стоит на оси поселения, замыкая его композиционно (рис. 11). Данный приём способствует обеспечению защиты поселения с наиболее опасного в стратегическом плане направления.

Уместно упомянуть из Длугоша, задокументировавшего строительство замка над городом. Безусловно, в задачу замка входило не только удерживать народ в послушании, но и защитить, «закрыть» город от посягательств вероятного противника. В качестве конкурентов Казимир мог рассматривать Пинск и Туров. В задачу и формат данного исследования не входит разбор политической истории Восточной Европы XII в. Очевидно, что обезопасить турово-пинский вектор – путь по Мухавцу и вдоль реки – возможно было закрыть город (*miaso*, место) с востока укреплением.

Небезынтересен в данном контексте фрагмент предисловия к третьему тому Актов, изданных Виленской археографической комиссией: «...в 1413 году Бирута приняв католическое исповедание, уступила землю, принадлежащую ей, для костёла Августириановъ, въ которомъ позже производились сеймы...» [3, с. 8]. Земля, на которой стоял палац Бируты, могла быть территорией древнего укрепления.

Анализ древесины из раскопа Лысенко показывает, что самый мощный период строительства приходился на первую четверть XIV в. Затем следуют единичные постройки середины XIV – начала XV вв. Несмотря на ограниченность исследованной территории, результат интересный. Раскол находится в центре территории замка, обозначенного на плане XVII в., соответствующего описанию 1566 г. Активность жилищного строительства не свидетельствует в пользу размещения там укрепленной княжеской резиденции – замка. Наоборот, затухание строительства в середине XIV – начала XV вв. говорит о значительных изменениях статуса территории – строительстве нового или расширении старого замка.

Совокупность указанных фактов позволяет высказать предположение о расположении в пределах Заугриньского острова древнего укрепления, достаточно мощного для XIV века, чтобы стать резиденцией Великой княгини. Передача земли в пользу церкви говорит о смещении оборонительного акцента на новую территорию – мыс у слияния Буга и Мухавца. Очевидно, что в конце XIV в. отпала необходимость акцентировать оборону места с восточной стороны.

Наоборот, с дарованием «права немецкого» возникает связь рыночная площадь – замок. К концу XIV в. территория «овальницы»

застраивается, доводя территорию рынка до предельно необходимой площади, сохранившейся в планировочной структуре города до XIX века. При этом сохраняется привязка рынка к старым сухопутным трассам и *солный* рынок на месте предполагаемого раннесредневекового торжища, застроенного позже базилианами.

Заключение

1. На основании проведенного анализа автор предполагает, что планировочная структура древнего поселения Берестья сформировалась и развивалась по образцу городов Центральной Европы. Толчком для возникновения и развития поселения являлось выгодное расположение на пересечении торговых путей, определивших планировочный каркас Берестья на века вперед.
2. На планах города прослеживаются рудименты «овальницы» или «веретена» – планировочного элемента, характерного для европейских городов. Проанализировав планировочный каркас Берестья, автор выделяет основные структурные элементы «доисторического» города: град, приселок, торг (рис. 13). Автор предполагает возможность расположения древнего городища (позже замка) с восточной стороны поселения, на острове, образованном рукавами Угринки. Этим не отрицается возможность существования укрепления на мысу у слияния Буга и Мухавца, позже выбранного как княжеская и королевская резиденция.
3. Предложенные графические реконструкции носят гипотетический характер и требуют подтверждения (или опровержения) дальнейшими исследованиями археологов, историков и в первую очередь урбанистов.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. De rebus a Carolo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum / Samuelis Puffendorf. – Norimbergae, 1696. Lb. septem – Urbs et castello...
2. Dlugosz, Jan. Dzieje Polski / Ян Длугош // История Польши. – 107. Krakow, 1868. – Т.II.S. – 106. (по материалам wostlit.ru).
3. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією. Акты Брестскаго гродскаго суда. Вильна, 1870. – Том III. – С. 399.
4. Воробей, А.В. Планировочная структура долетописного Берестья // Архитектурное наследие Прибужского региона. Проблемы. Исследования. Тенденции развития: сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции 29–31 мая 2013 г. – Брест: БрГТУ, 2013. – С. 21–29.
5. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно: пособие проектировщику / Ю.Н. Кишик. – Минск: Минскпроект, 2007. – 282 с.: илл. 222.
6. Древнерусское градостроительство X–XV вв. – М., 1993. – 392 с.

7. Іоу Алег. Берасцейская зямля у X–XIII ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 20–23.
8. Лысенко, П.Ф. Берестье. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 399 с. ил., 4 отд. л. черт.
9. Мокеев, Г.Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследство. – М.: Стройиздат. – № 23. – 1975. – С. 3–13.
10. Описание староства Берестейского 1566 г.: документы московского архива министерства юстиции. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова 1897 г. – Т. 1. (по материалам сайта www.ibrest.ru).
11. Открытие Берестья / П.Ф. Лысенко – Мн.: Наука и техника, 1985. – 399 с. ил., 4 отд. л. черт.
12. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – СПб., 1858. – 242 с. (по материалам сайта www.ibrest.ru).
13. Гладышук А.А. К вопросу о первой датировке Берестья / А.А. Гладышук, А.Д. Никитчик // Берасцейскія кніга зборы. Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI ст.: да 450-годдзя выдання: матэрыялы і даклады Міжнароднага круглага стала, Брэст, 29-31 мая 2013 г. / Пад аг. рэд. д.ф.н. М.В. Нікалаева – Брэст, 2014. – С. 207.

Материал поступил в редакцию 01.11.15

VOROBEEV A.V. Genesis of planning structure of medieval Berestya

In article the planning structure of early medieval Berestya is considered. Having studied the European experience of research of planning of the cities, the author offers the model of a planning framework of the city, allocating selitebny territories, strengthenings, the bargaining. In article the original version of the basis and site of strengthenings of Berestya of the X–XIII c., features of structure of the settlement moves forward. Conclusions of the author are proved by the analysis of iconographic and bibliographic sources.